

*Перл, Лукасу и Андреа – самым волшебным
людям, которых я знаю*

Девочка, которая спасла Рождество

Вы знаете, как работает волшебство?

То волшебство, благодаря которому олени взмывают в небо? То волшебство, которое помогает Отцу Рождество облететь весь мир за одну ночь? То волшебство, которое способно остановить время и сделать мечты явью?

Надежда.

Вот как оно работает.

Без надежды не было бы никакого волшебства.

В Сочельник не сам Отец Рождество, не Блитцен и не другие олени делают волшебство возможным. Нет, его делают возможным все дети, которые мечтают о чуде. Если бы никто не мечтал о волшебстве, оно бы никогда и не случилось. А раз Отец Рождество прилетает каждый год, мы можем не сомневаться, что волшебство – во всяком случае, некоторое волшебство – совершенно реально.

Но так было не всегда. Были времена, когда рождественским утром детей не ждали чулки с подарками и запакованные в яркую бумагу свёртки. То были очень печальные времена, и мало у кого находились причины верить в волшебство.

Так что в самую первую ночь, когда Отец Рождество решил подарить детям немного счастья и чудес, ему предстояла большая работа.

Игрушки были сложены в мешок, сани и олени готовы к полёту, – но, покидая Эльфхельм, Отец Рождество знал, что в воздухе недостаточно волшебства. Даже Северное сияние едва горело. А волшебства было мало потому, что было мало надежды. В конце концов, как могут дети мечтать о чуде, если они в жизни его не видели?

Вот почему первое путешествие Отца Рождество чуть не обернулось крахом. Всё получилось благодаря одной маленькой девочке, которая жила в Лондоне и всем сердцем верила в волшебство. Изю дня в день она надеялась на чудо. Эта девочка нуждалась в Отце Рождество больше, чем кто-либо на земле. Именно она помогла ему, когда олени стали выдыхаться. Её надежды в тот Сочельник хватило,

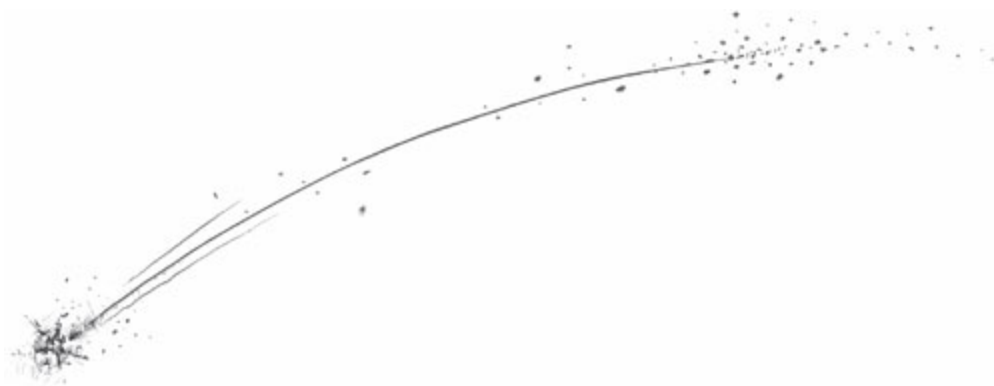
чтобы осветить всё небо. Маленькая девочка задала Отцу Рождество цель. Указала направление. И он последовал за узкой полоской света прямо к её дому на Хабердэшери-роуд в Лондоне.

А после того как Отец Рождество оставил чулок с игрушками возле её набитой клопами кровати, надежды стало больше. Волшебство проникло в мир и разлетелось по детским грёзам. Но Отец Рождество не обманывался. Он знал, что без одной-единственной восьмилетней девочки по имени Амелия, которая своей надеждой воплотила волшебство в жизнь, Рождество бы никогда не настало. Да, для того, чтобы осуществить его замысел, понадобились эльфы, и олени, и мастерская, но именно Амелия спасла Рождество.

Она была первым ребёнком.

Девочкой, которая спасла Рождество.

И Отец Рождество никогда этого не забудет...

год спустя...

Дорогой
Отец Рождество! ❄️

Меня зовут Амелия Визарт.
Мне девять лет, и я живу в ❄️
• Лондоне на улице Хабердэшер-Роуд, 99.

Хотя ты и так об этом знаешь, ведь
ты уже бывал здесь. В прошлом году.
Когда принёс мне подарки. Это было очень
мило. Я всегда верила, что волшебство
возможно, даже в тяжёлые времена. Но было
здорово убедиться, что так оно и есть.

* ❄️ СПАСИБО ❄️ *

Я живу с мамой Джейн и котом по имени
Капитан Сажа. Я нашла его в печной
трубе. Понимаешь, печные трубы редко
бывают прямыми. Порой они изгибаются.

• Ты не встретился с моим котом? Он
замечательный. Правда иногда крадёт
сардины у торговца рыбой, дерётся с
уличными котами и, кажется, ❄️
думает, что он собака.

Я понимаю, что у тебя много дел,
поэтому сразу скажу, что бы я хотела
получить на Рождество.

1. Новую щетку для чистки труб.

2. Волчок.

3. Книгу Чарльза Диккенса (это мой любимый писатель).

4. Чтобы мама поправилась.

Последний пункт самый важный. Куда
важнее второго. Волчок можешь
оставить себе.

Было очень волшебно в прошлом
году проснуться и увидеть подарки.
Мама раньше работала трубочистом,
а теперь этим занимаюсь я. Мама
больше не может чистить трубы. Она
ничего больше не может делать, кроме
как лежать в кровати и кашлять.
Врачи говорят, ей поможет только
чудо. Но ведь для чудес нужно
волшебство? А ты-единственный,
кто может его сотворить. Больше я
никого не знаю. Это всё, что мне
нужно. Вылечи маму, пока не стало
слишком поздно. Это главное, о чём

я прошу.

Твоя преданная
Амелия

Когда дрожит земля

Отец Рождество сложил письмо Амелии и убрал в карман.

Он пересёк укрытый снегом Олений луг и пошёл по берегу замёрзшего озера, любуясь тихими видами Эльфхельма. Бревенчатый Главный зал. Магазин башмаков, Шоколадный банк и кафе «Фиговый пудинг» на Главной улице, закрытое в столь ранний час. Школа санного мастерства и Университет продвинутого игрушкотворства. Высокая (по эльфийским меркам) редакция газеты «Ежеснежник» на улице Водоля. В свете утреннего солнца её стены из пряничного теста необычайной крепости горели оранжевым.

Отец Рождество брёл по снегу всё дальше и дальше. Он повернул на запад, к Мастерской игрушек и лесистым холмам пикси, которые лежали за ней. Там он увидел эльфа в коричневой тунике и коричневых башмаках. Тот шёл ему навстречу. На носу у него поблёскивали очки с толстыми стёклами. Эльф был слегка близорук, так что Отца Рождество он увидел не сразу.

– Привет, Занудник! – окликнул его Отец Рождество.

Эльф подскочил от неожиданности.

– О, п-привет, Отец Рождество. Прости, я тебя не заметил. Вот, иду с ночной смены.

Занудник был одним из лучших работников Мастерской игрушек. Многим этот нервный маленький эльф казался странным, но Отцу Рождество он нравился. Занудник служил Помощником заместителя главы Цеха игрушек, которые прыгают и вращаются, считался незаменимым сотрудником и никогда не жаловался на то, что приходится задерживаться после работы.

– В мастерской всё в порядке? – спросил Отец Рождество.

– Да-да. Все игрушки, которым положено вращаться, вращаются. А те, которые должны прыгать, прыгают. Была небольшая проблема с теннисными мячиками, но мы уже всё исправили. Теперь они даже прыгучее обычного. Человеческим детям понравится.

– Чудесно, – кивнул Отец Рождество. – Тогда иди домой и хорошенько выспись. И пожелай Нуш и Малышу Миму счастливого Рождества от меня!

– Обязательно, Отец Рождество. Они будут очень рады. Особенно Мим. Его новая любимая игрушка – пазл с твоим лицом. Мастер по пазлам Дрыгл сделал эту мозаику специально для Мима.

Отец Рождество покраснел от смущения.

– Хо-хо... Счастливого Рождества, Занудник!

– И тебе счастливого Рождества, Отец Рождество!

Едва они распрощались, случилось нечто странное: земля чуть заметно вздрогнула. Занудник подумал, что его просто ноги не держат после работы. А Отец Рождество решил, что волнуется перед большим днём, который ждёт его впереди. И потому никто ничего не сказал.

Мастерская игрушек

Мастерская игрушек была самым большим зданием в Эльфхельме. Она возвышалась даже над Главным залом и редакцией «Ежеснежника» и вся, от макушки широкой башни до её подножия, была укрыта снегом.

Перешагнув порог, Отец Рождество увидел, что подготовка к празднику идёт полным ходом.

По залу сновали счастливые смеющиеся эльфы. Они в последний раз проверяли игрушки перед отправкой: снимали головы куклам, крутили волчки, качались на лошадках-качалках, пролистывали книги, обрывали мандарины с мандариновых деревьев, обнимали мягкие игрушки, перекидывались мячиками... Любимая музыкальная группа Эльфхельма – «Звенящие бубенцы» – исполняла одну из своих самых популярных песен «Рождество на пороге (Я так рад, что обмочил тунику)».

Отец Рождество опустил мешок на пол.

– Доброе утро, Отец Рождество! – завопила эльфа по имени Ямочка и широко улыбнулась. Её имя было легко запомнить – стоило ей улыбнуться, как на щеках у неё появлялись ямочки. А улыбалась она почти всё время. Ямочка сидела рядом с Беллой, каламбурщицей, которая как раз работала над последним каламбуром в этом году и хихикала себе под нос, доедая пирожок с начинкой.

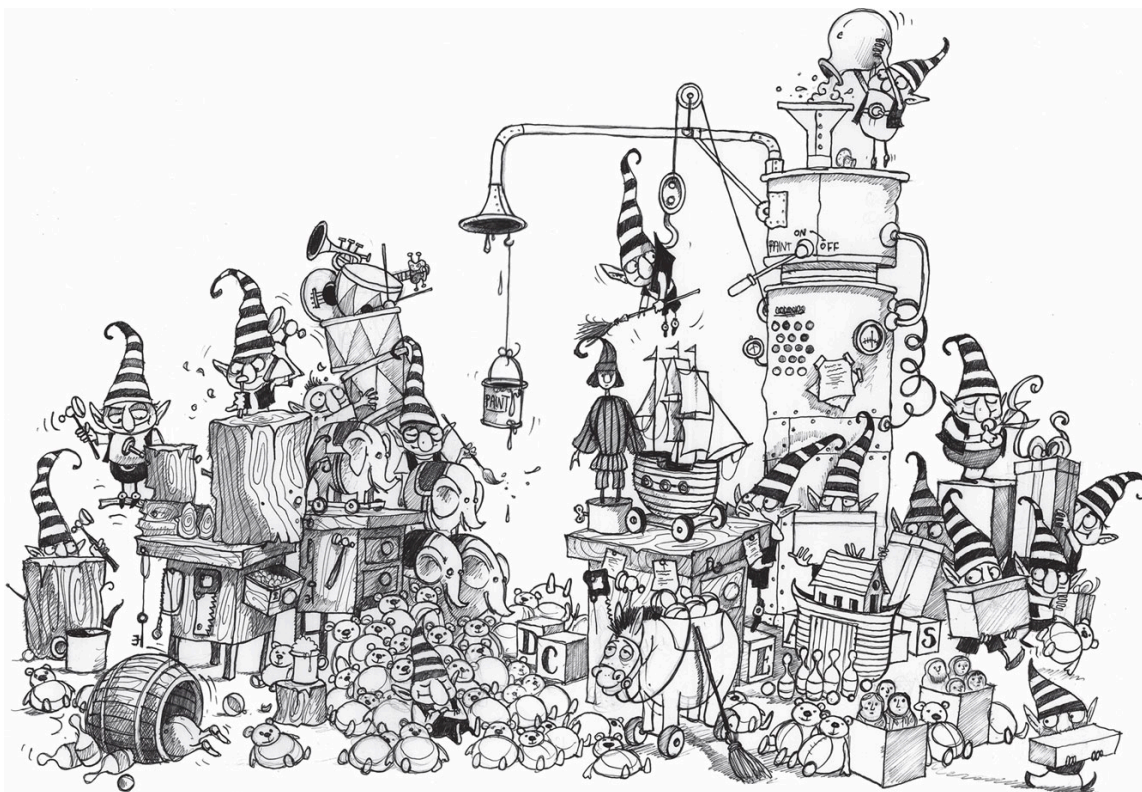
Ямочка предложила Отцу Рождество мятную конфетку. Едва он открыл жестянку, как из неё выскочила игрушечная змея.

– Ай! – вскрикнул Отец Рождество, а Ямочка от смеха повалилась на пол.

– Хо-хо-хо! – захохотал Отец Рождество, изо всех сил стараясь, чтобы это прозвучало искренне. – И сколько у нас таких?

– Семьдесят восемь тысяч шестьсот сорок семь.

– Замечательно.

Тут его заметили «Звенящие Бубенцы» и немедленно заиграли «Героя в красной куртке» – песню, посвящённую Отцу Рождество. Это было не лучшее их произведение, но остальные эльфы с радостью подхватили:

*Он прячет под курткой огромный живот,
Макушкою до потолка достаёт.*

*Пускай, как олени, несутся года —
Всё так же пушиста его борода,
ДА-ДА-ДА.*

*Пока дети видят прекрасные сны,
Он мигом в санях облетит полстраны
И ловко залезет с мешком в дымоход,
Под курткой втянув необъятный живот.
А если застрянет в трубе – не беда,
Его подпихнём мы охотно всегда.*

ДА-ДА-ДА!

Пока эльфы распевали, Отец Рождество стоял и не знал, куда себя деть. Поэтому он посмотрел в окно – и увидел, как по снегу к

мастерской кто-то бежит. Больше никто ничего не заметил: эльфам не хватало роста, чтобы выглянуть в окно.

Отец Рождество сразу понял, что бежит не эльф. Существо было ещё меньше обитателей Эльфхельма. И куда легче. И изящнее. И желтее. И быстрее.

Сообразив, кто мчится по снегу, Отец Рождество направился к выходу из мастерской.

– Вернусь через минуту, волшебный вы народец, – сказал он эльфам, сияясь перекричать музыку. – Да, я принёс бездонный мешок, так что можете наполнять его подарками!

Когда Отец Рождество открыл дверь, она уже стояла на пороге и пыталась отдышаться, уперев руки в бёдра и сложившись пополам.

– Пикси Правды! – улыбнулся Отец Рождество. Он был очень рад её видеть. Пикси редко заходили в Эльфхельм. – Счастливого Рождества!

Глаза Пикси Правды, и без того огромные, расширились ещё больше.

– Нет, – выдохнула она, глядя на Отца Рождество снизу вверх, поскольку едва доставала ему до колен.

– Что?

– Нет. Не будет никакого счастливого Рождества.

Пикси Правды покосилась на эльфов, которые суетились в мастерской за спиной Отца Рождество, и поёжилась. Она не очень любила эльфов; от их вида на неё нападала чесотка.

– У меня новый костюм, – сказал Отец Рождество. – Даже краснее, чем прежде. И ты только посмотри на эту меховую опушку! Нравится?

Пикси Правды покачала головой. Она не хотела показаться грубой, но ничего не могла с собой поделать – она всегда говорила правду.

– Нет, не нравится. Ты похож на гигантскую заплесневелую морошку. Но это сейчас неважно.

– А что важно? Ты ведь никогда не приходишь в Эльфхельм.

– Это потому, что тут полно эльфов.

Тем временем работники мастерской заметили пикси.

– С Рождеством, Пикси Правды! – захихикали они.

– Идиоты, – буркнула она.

Отец Рождество вздохнул. Он ступил на снег и прикрыл за собой дверь.

– Послушай, Пикси Правды, я бы рад с тобой поболтать, но сегодня Сочельник, и у меня ещё куча работы...

Пикси Правды снова покачала головой.

– Забудь о Мастерской игрушек. Забудь о Рождестве. Уходи из Эльфхельма и беги в холмы.

– О чём ты, Пикси Правды?

И тут Отец Рождество услышал. Это было похоже на приглушённое ворчание.

Пикси Правды сглотнула.

– Так и знал, что надо плотнее позавтракать, – сказал Отец Рождество, похлопывая себя по животу.

– Твоё пузо тут ни при чём, – ответила Пикси Правды. – Звук доносится оттуда. – Она указала на землю.

Отец Рождество уставился себе под ноги. Там лежал снег, белый, как лист бумаги.

– Это происходит быстрее, чем я думала, – пискнула Пикси Правды и пустилась бежать, успев только крикнуть через плечо: – Найди

безопасное место! И спрячься! И предупреди своих эльфов, пусть тоже спрячутся... А ещё лучше отмени Рождество, пока это не сделали они!

– Они? Что ещё за они?

Но Пикси Правды уже скрылась вдали. Отец Рождество хмыкнул, глядя на крошечные следы, цепочка которых тянулась к холмам. Сочельник. Пикси Правды явно перебрала коричневого сиропа, и он ударил ей в голову.

Тут снова раздалось ворчание.

– Ладно-ладно, обед уже скоро...

Но звук был гораздо громче и ниже, и Отец Рождество вдруг понял, что его живот в самом деле ни при чём. Прежде такого ему слышать не доводилось. Конечно, Отец Рождество был уверен, что беспокоиться не о чем... Но всё же поспешил вернуться в шумную мастерскую и закрыть за собой дверь.

Мистер Мор

Прошло семнадцать дней с тех пор, как Амелия отправила письмо Отцу Рождество. Сейчас она сидела там, где бывала довольно часто, – внутри печной трубы.

Надо сказать, внутри печных труб очень темно. Поначалу привыкнуть к этому непросто. И темнота – не единственная трудность. Ещё в дымоходах очень тесно, даже если ты маленькая худощавая девочка. Но противнее всего сажа. Чёрная пыль, которая забивается повсюду, стоит только взмахнуть щёткой. Она липнет к волосам, к одежде и коже, забирается в нос и в рот. Глаза от неё слезятся, и кашель начинается такой, что кажется, ещё чуть-чуть – и вывернешься наизнанку. Да, трубочистам не позавидуешь, но Амелии нужна была работа, чтобы добыть денег на еду и маме на лекарство.

К тому же после чистки труб больше радуешься дневному свету. И тому, что находишься где угодно, только не в дымоходе. Работа трубочистом заставляла надеяться. Сидя в пропахшей копотью темноте, поневоле начинаешь грезить обо всех светлых местах в мире.

Но для утра Сочельника дымоход, определённо, место не самое подходящее. Амелия же торчала именно там, уперев колени и локти в стены трубы и задыхаясь от клубов сажи, которые поднимала её щётка.

А потом она услышала чей-то тонкий плач. Не человеческий. Чей-то ещё. Она насторожилась и поняла, что это не плач, а мяуканье.

– О нет, – пробормотала Амелия, точно зная, кто это.

Девочка прижалась каблуками к стене и начала шарить вокруг свободной рукой. Наконец она наткнулась на что-то мягкое, тёплое и пушистое, лежащее на грязной полке внутри изогнутого дымохода.

– Капитан Сажа! Что я тебе говорила? Нельзя лазать по трубам! Они не для котов!

Амелия подхватила мурчащего кота и потащила вниз, в светлую гостиную. Капитан Сажа, под стать своему имени.

Кот вывернулся у Амелии из рук, спрыгнул на пол и прошествовал через комнату. Прямо по кремовому ковру. Дорогому кремовому ковру. Амелия с ужасом уставилась на грязные отпечатки лап.

– О нет! Капитан Сажа, иди сюда! Что ты натворил?!

Девочка вылезла из камина, чтобы забрать кота, и, конечно, тоже испачкала ковёр.

– О нет, – запричитала она. – Нет-нет-нет...

Она стремглав побежала в кухню, где кухарка чистила морковь, крепко держа её в узловатых пальцах.

– Простите, – пролепетала Амелия. – Я там немного напачкала. Можно мне мокрую тряпку?..

Кухарка нахмурилась, сама как сердитая кошка, и зацокала языком.

– Когда мистер Мор вернётся из рабочего дома, он не обрадуется! – прошипела она.

Амелия торопливо вернулась в гостиную и попыталась оттереть сажу с ковра. Тщетно – от её стараний пятна только расплылись.

– Нужно все отчистить, пока мистер Мор не увидел, – сказала она коту. – Ну почему из всех домов ты выбрал этот, чтобы набезобразничать?

Кот виновато потупился.

– Ну хорошо. Я знаю, что ты не специально. Но представляю, как разозлится мистер Мор!

Оттирая пятна, Амелия заметила в гостиной кое-что странное. Несмотря на канун Рождества, в комнате не было ни одного украшения. Ни открытки, ни плюща, ни остролиста. И пирожками с начинкой даже и не пахло, что довольно-таки необычно для богатого дома.

Внезапно Амелия услышала тяжёлые шаги в прихожей. Не успела она обернуться, как на пороге гостиной появился мистер Мор.

Это был очень высокий человек с вытянутым узким лицом и длинным крючковатым носом. Из-за чёрной трости, чёрного пальто и чёрного цилиндра казалось, что мистер Мор – вóрон, который одним тоскливым вторничным утром закусывал червяком и вдруг решил, что было бы неплохо превратиться в человека.

Мистер Мор посмотрел на Амелию, на кота и на смазанные следы по всему ковру.

– Простите, – быстро сказала Амелия. – Мой кот увязался за мной и забрался в трубу.

– Ты знаешь, сколько стоит этот ковёр?

– Нет, сэр. Но я его отчищу! Смотрите, они оттираются.

Капитан Сажа выгнул спину и зашипел, готовый вцепиться мистеру Морю в ногу. Обычно он хорошо относился к людям, но этот человек ему очень не нравился.

– Мерзкое животное.

– Он просто желает вам счастливого Рождества, – сказала Амелия и попыталась улыбнуться.

– Рождество, – мистер Мор произнёс это слово с таким видом, будто оно горчило на вкус. – Только дураки радуются Рождеству. Или дети. А ты, я вижу, относишься и к тем, и к другим.

Амелия знала, кто такой мистер Мор. Ему принадлежал Работный дом мистера Мора, один из крупнейших в Лондоне. А ещё Амелия знала, что такое работный дом. Это ужасное место, куда все боялись попасть. Но иногда люди заканчивали там, потому что были слишком бедны, или слишком больны, или оставались без дома и без родителей. Там им приходилось работать с раннего утра до поздней ночи, терпеть гадкую кормёжку и постоянные наказания.

– Вы – парочка отвратительных грязнуль! – сказал мистер Мор.

Капитан Сажа встопорщил шерсть, превратившись в пушистый шар злости.

– Он не любит, когда его обзывают, сэр.

Мистеру Морю явно не нравилось, когда ему перечат дети. Особенно бедные дети, одетые в грязные лохмотья и притащившие в дом кота, который наследил на дорогом ковре.

– Встань, девочка.

Амелия встала.

– Сколько тебе лет?

– Десять, сэр.

Мистер Мор схватил её за ухо.

– Ты лгунья.

Он наклонился и посмотрел на Амелию так, словно она была грязью на его ботинке. Амелия увидела его скрюченный нос совсем близко и задумалась, отчего он погнулся. Было бы здорово посмотреть, как это случилось. Может, кто-то его сломал?

– Я говорил с твоей матерью. Тебе девять. Так что ты лгунья и воровка.

И он с силой потянул её за ухо, будто собирался вовсе оторвать.

– Пожалуйста, сэр, мне больно!

– Когда твоя мать заболела, я мог найти другого трубочиста, – сказал мистер Мор, отпуская ухо Амелии и оттирая сажу с руки. – Но нет, я решил дать этой девчонке возможность проявить себя. И совершил ужасную ошибку. Тебе самое место в моём рабочем доме. Теперь поговорим о деньгах.

– Три пенни, сэр. Но я тут немного натоптала, так что можете заплатить только половину.

– Нет.

– Что нет, сэр?

– Ты неправильно меня поняла. Это ты должна мне заплатить.

– Почему, сэр?

– Потому что ты испортила мой ковёр.

Амелия посмотрела на ковёр. Наверное, он стоил больше, чем трубочист может заработать за десять лет. Ей стало очень грустно. И в то же время она разозлилась. Ей были нужны эти три пенни! На них она собиралась купить фиговый пудинг себе и маме на завтра. О гусе или индейке на рождественском столе они даже не мечтали, но, по крайней мере, пудинг могли себе позволить. Точнее, раньше могли.

– Сколько денег у тебя в кармане?

– Нисколько, сэр.

– Лгунья. Я вижу, что там есть монета. Живо давай её сюда.

Амелия вытащила из кармана единственную монетку, которая у неё была. На коричневом полупенсовике красовался профиль королевы Виктории.

Мистер Мор покачал головой и посмотрел на Амелию с таким выражением, будто он и в самом деле был вороном, а она – дождевым червём. Он снова схватил её за ухо и больно выкрутил.

– Мать избаловала тебя. Я всегда думал, что она слабая женщина. И твой отец, наверное, тоже так думал. Иначе зачем бы ему сбегать от вас обеих?

Амелия вспыхнула. Она ничего не знала об отце. Мама как-то набросала углём его портрет в солдатской форме. На портрете папа улыбался. Уильям Визарт выглядел, как герой, и Амелии этого хватало. Он был солдатом Британской армии и уехал воевать в далёкую страну под названием Бирма. Там он и умер в год, когда родилась Амелия. Она представляла, что он был сильным, благородным и отважным. То есть совсем не таким, как мистер Мор.

– Мать плохо тебя воспитала, – продолжал мистер Мор. – Только посмотри на себя. Ходишь в рванье. Не поймёшь, девочка ты или мальчик. Мать не учила тебя, как должны вести себя девочки? Хорошо хоть, что ей недолго осталось...

Этого даже Капитан Сажа стерпеть не мог. Он бросился на мистера Мора и вонзил когти в его чёрные брюки. Ткань затрещала, мистер Мор принялся отгонять кота тростью, и Амелия почувствовала, как внутри закипает ярость. Она ткнула мистеру Морю в лицо вымазанной в саже щёткой и пнула его в лодыжку. А потом ещё раз пнула. И ещё.

Вдохнув печную золу, мистер Мор закашлялся и взревел:

– ТЫ!..

Но Амелия больше его не боялась. Она думала только о больной маме, которая лежала в кровати.

– Не. Смейте. Так. Говорить. О. Моей. Маме!

Она бросила монетку на пол и вылетела из комнаты.

– Я до тебя ещё доберусь!

«А вот и не доберёшься!» – подумала Амелия, изо всех сил надеясь, что это правда. Капитан Сажа бежал рядом с ней, оставляя на полу чёрные следы.

Выскочив из дома мистера Мора, Амелия повернула на восток. Путь к Хабердэшери-роуд пролегал по тёмным, грязным улицам. С каждым шагом дома становились всё меньше и потрёпаннее и всё теснее жались друг к другу. Из маленькой церкви доносился гимн «О, придите, все верующие». Амелия прошла мимо торговцев, которые расставляли лотки для рождественской ярмарки, мимо девочек, игравших в классики, и слуг, которые несли гусей от мясника. Затем она проводила взглядом женщину с рождественским пудингом и мужчину, прикорнувшего на скамейке.

Торговка жареными каштанами крикнула ей:

– Счастливого Рождества, милая!

Амелия улыбнулась и попыталась настроиться на рождественский лад, но это было непросто. Куда труднее, чем в прошлом году.

– Сегодня Сочельник, – сказала торговка каштанами. – Ночью придёт Отец Рождество.

Вспомнив про Отца Рождество, Амелия всё-таки улыбнулась. Она высоко подняла щётку для печных труб и крикнула:

– Счастливого Рождества!

Малыш Мим

Малыш Мим был эльфом.

И, как вы, наверное, догадались, очень маленьким. Даже по меркам эльфов. Маленьким и юным. Младше тебя. Намного! Ему было три года, если быть точным. Его тёмные волосы блестели, как озеро в лунном свете, а ещё он пах имбирными пряниками. Мим ходил в детский сад для эльфов, который при Отце Рождество стал частью Школы санного мастерства, и жил в маленьком домике на улице Семи Извилин в самом сердце Эльфхельма.

Но сегодня ему не нужно было идти в детский сад.

Потому что наступил канун Рождества. Самый чудесный день в году. А в этом году Сочельник обещал быть ещё чудеснее. Во всяком случае, для Малыша Мима. Потому что сегодня перед ним и другими эльфятами распахнутся двери Мастерской игрушек. После того как бездонный мешок Отца Рождество наполнится подарками, эльфийским